

Изъ воспоминаній объ осадѣ Портъ-Артура.

(Продолженіе 1).

Съ 10-го сентября, послѣ удачнаго отбитія нами Высокой горы, японскія наступательныя дѣйствія на лѣвомъ флангѣ пріостановились; у насъ этимъ моментомъ сейчасъ же воспользовались для возможно сильнѣйшаго укрѣпленія Высокой горы. Общее наблюденіе надъ работами по ея укрѣпленію было поручено полковнику Третьякову, командиру 5-го полка, занимавшаго эту гору. Ожидали, что японцы каждый моментъ могутъ, да и должны, начать снова попытки завладѣть этой въ высшей степени важной для нихъ позиціей, открывавшей имъ просторъ для дѣйствія осадной артилеріей.

Высокая гора, кромѣ своего значенія въ общемъ ходѣ операций осады крѣпости, играла рѣшающую роль для запертаго внутри гавани флота. Съ ея вершины весь рейдъ, портъ, всѣ склады, были видны какъ на ладони. Теперь всѣ ясно представляли себѣ, что, возьми они эту позицію и какъ сказалъ Кондратенко, — «наступитъ начало конца».

Вскорѣ послѣ отбитія нами Высокой горы, генераль Кондра-

1) См. «Военный Сборникъ» 1909 г., № 1.

тенко написалъ генералу Стесселю слѣдующее письмо, помѣченное 18-мъ сентябремъ ¹⁾.

«Его превосходительству А. М. Стесселю, генераль-адъютанту Его Императорскаго Величества. Въ собственные руки.»

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь

Анатолій Михайловичъ.

Въ настоящее время, пока Портъ-Артуръ держится, наши неудачи на другихъ театрахъ войны нельзя еще считать особенно унижительными. Но если къ этимъ неудачамъ присоединится потеря Артура и находящагося здѣсь флота, то въ сущности кампанія безвозвратно проиграна и нашъ военный неуспѣхъ принимаетъ унижительные для нашего достоинства размѣры.

Расчитывать на своевременную выручку Портъ-Артура нашей арміей или флотомъ едва ли возможно.

Единственнымъ почетнымъ выходомъ изъ такого положенія является поэтому заключеніе теперь, до паденія Портъ-Артура, мирныхъ условій, которыя несомнѣнно можно (до паденія Артура) установить не унижительныя для народнаго самолюбія.

Очень вѣроятно, что Государю доносятъ о событіяхъ, освѣщая ихъ нѣсколько въ разрѣзъ съ дѣйствительностью.

Истинное, правдивое, вѣрноподданническое донесеніе могло бы, можетъ быть, устранить большую бѣду отъ нашей Родины.

По сему, какъ высшій представитель здѣсь государственной власти и Лицо, облеченное Царскимъ довѣріемъ, не признаете ли Ваше Превосходительство возможнымъ шифрованной телеграммой на имя Его Величества донести объ истинномъ положеніи на Дальнемъ Востокѣ.

Настоящее письмо мною написано только въ виду постояннаго сердечнаго отношенія Вашего Превосходительства ко мнѣ и моей глубокой увѣренности въ необходимости такого шага для блага Родины.

Съ чувствомъ самаго глубокаго уваженія и искренней преданности остаюсь Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга

Р. Коандратенко».

Въ видѣ убѣдительности факта особаго значенія Высокой горы для флота и вслѣдствіе этого явной опасности оставаться флоту во внутренней гавани, генераль Стессель предложилъ адмиралу

¹⁾ Письмо это взято изъ «Лѣтописи Войны» за 1905 г.

и командирамъ судовъ подняться на нее и съ вершины ея посмотреть — какой представляет она дивный наблюдательный пунктъ для корректированія выстрѣловъ японской осадной артилеріи при стрѣльбѣ по нашимъ судамъ.

Дѣйствительно, въ ноябрѣ мѣсяцѣ со взятой въ концѣ концовъ японцами Высокой горы, наши суда быстро, поочереды были разстрѣляны.

Суда метались тогда по Артурскому рейду, какъ мышь въ клѣткѣ, передъ которой сидитъ кошка.

Стараясь обмануть японцевъ, суда ночью переходили, какъ въ кадрили съ одного мѣста на другое, но все же съ разсвѣтомъ японцы, смотря съ Высокой горы, ловили ихъ своими одиннадцати дюймовыми снарядами и пришиливали ко дну Артурской гавани.

21-го ноября пала Высокая гора, а 22-го и 23-го ноября уже «Полтава» и «Ретвизанъ» были утоплены.

Избѣгли плачевной участи попасть въ руки непріятеля только тѣ суда, которыя въ данный моментъ были или на днѣ морскомъ, взорванныя непріятельскими минами, или геройски погибшія въ неравномъ бою, или же находившіяся въ нейтральныхъ портахъ, да броненосецъ «Севастополь», вовремя вышедшій въ бухту «Бѣлаго Волка» и самъ себя затопившій на большой глубинѣ, когда насталъ конецъ Артура ¹⁾.

Одиннадцать дюймовые снаряды.

Послѣ неудачи на лѣвомъ флангѣ, отбитые въ центрѣ японцы начали атаку праваго фланга, но и здѣсь они не имѣли успѣха. Взятая было ими небольшая позиція на Сигнальной горкѣ и бывшая уже въ ихъ рукахъ, — была отбита нами обратно.

Такимъ образомъ, отбитые по всему фронту крѣпости японцы приостановили свои бѣшенныя атаки и ограничивались ежедневными бомбардировками города и гавани. Въ это время имъ удалось установить тяжелыя одиннадцать дюймовыя гаубицы, и 18-го

¹⁾ Суда, оставшіяся въ Артурѣ, были нами взорваны въ ночь наканунѣ капитуляціи. Но, не смотря на весьма значительныя поврежденія, причиненныя этими взрывами, все же суда, хотя и при громадномъ трудѣ, чуть не по частямъ, японцы могли вытащить, такъ какъ глубина Артурскаго бассейна тридцать футъ, а корабли сидятъ, въ среднемъ, 28 футъ, и въ часы отлива сидѣли на мели, т. е. цѣлкомъ были надъ водой. Работая подъ водой, японцы обшивали суда деревомъ, и откачивали воду и такую разрушенную массу, заключенную въ деревянный футляръ, уводили. Суда эти настолько были надорваны, что большинство изъ нихъ боевого значенія не имѣютъ, но видѣть ихъ, хотя бы негодными, въ рукахъ японцевъ, больно и стыдно.

сентября впервые они открыли изъ нихъ огонь по нашимъ фортамъ.

Даже на оконченныхъ фортахъ, какъ фортъ III, литера Б, всѣ казематы и блиндажи были выстроены съ расчетомъ на сопротивление, тахитим, противъ снарядовъ шести дюймоваго калибра, такъ какъ считались немислимыми подвозъ и установка орудій большаго калибра.

Но, увы и ахъ! японцы подвезли и установили до конца осады восемнадцать такихъ мортиръ.

Въ первый же день бомбардировки 11-ти дюймовый снарядъ пробилъ бетонный казематъ и смертельно ранилъ нѣсколькихъ человекъ.

Съ фортовъ японцы перевели огонь своихъ гаубицъ и на гавань, и въ городъ; положеніе становилось ужаснымъ, такъ какъ ни бетонъ батарей, ни броня судовъ не выдерживали этихъ тринадцати пудовыхъ бомбъ (500 фунтовъ).

Навѣсными выстрѣлами на судахъ разрушались какъ, ничто, три и четыре палубы, и снарядъ разрывался въ самыхъ жизненныхъ частяхъ корабля.

Мирные жители, благополучно укрывавшіеся до сихъ поръ въ построенныхъ ими блиндажахъ, спасаясь отъ одиннадцати дюймовыхъ бомбъ, должны были рыть себѣ форменныя пещеры подъ склономъ горъ.

Къ обстрѣливанію насъ снарядами разнаго калибра, вплоть до шести дюймоваго, мы приспособились, но новый жестокий огонь съ ужающей силой разрыва снова заставлялъ сильно сжиматься сердца.

Силу одиннадцати дюймовыхъ снарядовъ однимъ изъ первыхъ испыталъ на себѣ открытый капониръ № 3, представлявшій изъ себя небольшое укрѣпленіе полевой профили, съ траверсами и блиндажами временной, слабой постройки. Японцы, подготавливаясь къ атакѣ центра, бомбардировали этотъ капониръ и форты № 3 и укрѣпленіе № 3.

Англичанинъ Джемсъ, состоявшій при японской арміи, такъ описываетъ бомбардировку этого капонира. — «15-го октября ¹⁾ въ 3½ часа, согласно заранѣе намѣченному плану, тяжелая осадная артилерія вступила въ дѣло, и тутъ развернулась страшная картина: очередь за очередью рвались 11-ти и 6-ти дюймовые снаряды на площади квадрата, сторона котораго была меньше 50 ярд., ²⁾ обо-

¹⁾ По новому стилю.

²⁾ Ярдъ равняется 1¼ аршина.

роняемаго пѣхотой въ полевыхъ окопахъ; съ этимъ потокомъ рядовъ великановъ сливались рвавшіяся шрапнели, безостановочно посылаемыя изъ полевыхъ батарей.

Скоро вершина окуталась въ густую клубящуюся массу дыма, среди котораго выдѣлялись темными силуэтами на болѣе свѣтломъ фонѣ дыма части закрытій, отдѣльные земляные мѣшки и куски обезглавленныхъ человѣческихъ тѣлъ.

Тотъ, кто писалъ, что «міръ знаетъ высшіе образцы мужества, чѣмъ бой», не имѣлъ понятія о томъ образцѣ мужества, который показала горсть русскихъ воиновъ передъ лицомъ этого все сокрушающаго огня снарядовъ въ этотъ полдень 15-го октября.

Представьте себѣ 500 фунтовъ металла, несущихся съ высоты и разрывающихся съ такой ужасающей силой, что вырывали въ землѣ воронки, вмѣщающія повозку съ лошадыю, и вихремъ выбрасывали изъ этой воронки куски стали, величиною съ кулакъ здороваго мужчины,—здѣсь же сотни такихъ орудій разрушенія разрывались въ несчетные куски на пространствѣ вдвое меньшемъ, чѣмъ площадка подъ foot-balle. Да и другіе снаряды, половиннаго вѣса, дѣйствовали не менѣе разрушительно. Среди этого урагана стали свинцовыя пули сыпались чаще, чѣмъ градины, гонимыя вѣтромъ. А подъ этимъ огнемъ сидѣли скорчившіеся люди, съ ружьями въ рукахъ, въ ожиданіи смерти, но не боясь и передвигаясь по сторонамъ, чтобы помочь умереть раненому товарищу и поражаясь, когда край новой воронки вырывалъ изъ подъ него землю, на которой онъ лежалъ, убивалъ и тутъ же сразу засыпалъ его.

Можно себѣ создать лишь приближенное представленіе о всей безнадежности расчета на сохраненіе жизни, когда васъ осыпають одиннадцати дюймовыми снарядами; вы лежите спокойно и поручаете себя волѣ рока—пока не соберетесь бѣжать. А вотъ этого-то русскіе не хотѣли дѣлать въ этотъ день».

До описанной бомбардировки, японцы сапой подошли къ капониру на разстояніе около 60 шаговъ.

Собравшись тамъ во время бомбардировки, они по сигналу, прекративъ ее, выскочили на капониръ.

О взятіи его тотъ же Джемсъ пишетъ,—«черезъ часъ штыкъ додѣлалъ дѣло, такъ разрушительно начатое артилеріей, и изрытая вершина высоты осталась за японцами. Въ воронкахъ нашли болѣе ста русскихъ труповъ; по отлогостямъ высоты были разбросаны части тѣлъ, число которыхъ сосчитать было невысказуемо. За

часть штыкового боя японцы потеряли 4-хъ офицеровъ и 149 нижнихъ чиновъ».

Такая незначительная потеря у японцевъ объясняется тѣмъ, что до атаки почти весь гарнизонъ капонира былъ уничтоженъ вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ, и горсть оставшихся защитниковъ не могла удержаться».

Къ нашему счастью далеко не всѣ одиннадцати-дюймовые снаряды разрывались. Этотъ фактъ приносилъ намъ двойную пользу. Во-первыхъ много людей и многіе блиндажи избѣжали участи быть уничтоженными, такъ какъ неразорвавшійся снарядъ мало приноситъ вреда, дѣлая только брешь, а во-вторыхъ, эти снаряды, въ виду недостатка у насъ снарядовъ вообще, а такого калибра въ особенности, шли на наши батареи, откуда они посылались обратно японцамъ. Снаряды эти собирали вездѣ,—на улицахъ города, на позиціяхъ и даже на судахъ, гдѣ они, пробивши палубы, застревали въ котлахъ, въ машинѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Теоретически считалось, что подвезти къ Артуру и поставить одиннадцати дюймовыя орудія непріятель не въ состояніи, такъ какъ нужны спеціальныя пристани, краны, и для установки ихъ требуются долговременныя бетонныя сооруженія.

Оказалось, что все это можно и даже сравнительно въ очень короткій срокъ. Такъ, первая партія гаубицъ прибыла подъ Артуръ 1-го сентября, а 15-го уже была готова цѣлая батарея изъ шести одиннадцати дюймовыхъ мортиръ, 18-го уже открывшая огонь.

Главную роль въ подобномъ успѣхѣ сыгралъ городъ Дальній. Тамъ было все,—великолѣпныя пристани, громадныя краны, хорошо оборудованныя мастерскія, желѣзная дорога, масса разнаго матеріала, и все это въ разстояніи какихъ нибудь 40 верстъ отъ Артура.

Мѣста установокъ мортиръ найти, конечно, было невозможно. Но клубамъ дыма, поднимавшагося при выстрѣлѣ, опредѣляли приблизительно мѣстоположеніе орудій и старались уничтожить ихъ, стрѣляя по квадратамъ съ батарей и перекиднымъ огнемъ изъ гавани съ нашихъ броненосцевъ и крейсеровъ. Конечно, этотъ сравнительно ничтожный огонь не могъ заставить молчать японскія батареи, съ каждымъ днемъ все лучше и лучше пристрѣливавшіяся къ крѣпости.

Въ госпиталѣ.

Приблизительно въ концѣ сентября, мнѣ пришлось слечь въ госпиталь. Почувствовалъ я себя не хорошо, вернувшись съ позицій, гдѣ простудился, слѣдствіемъ чего были повышенная температура, лихорадочное состояніе и желудочныя боли.

Нашъ судовой докторъ, опасаясь частыхъ въ то время брюшного тифа и дизентеріи, настоялъ на немедленномъ отправленіи меня въ госпиталь.

Въ тотъ же день, когда стихла бомбардировка, меня на паровомъ катерѣ перевезли въ морской госпиталь.

Меньше чѣмъ черезъ недѣлю, благодаря хорошему уходу и крѣпкому организму, я уже всталъ съ койки и могъ бродить. Единственное леченіе, необходимое для меня, это были отдыхъ и діета. Въ Артурѣ въ это время уже давно ѣли конину, и для госпиталей, кромѣ того, отпускалась солонина.

Молока не было. Тѣхъ нѣсколькихъ банокъ консервированнаго молока, которыя могъ тратить госпиталь, конечно, далеко не хватало на массу больныхъ, нуждавшихся въ немъ. Хотя въ очень небольшомъ количествѣ, но все же я получалъ молоко. Понятно, что не только бѣлаго мяса, но и обыкновенной говядины не было. На свой счетъ я заказывалъ у Панкратова, содержателя ресторана «Саратовъ», «котлетки». Эти особенно сдѣланныя на заказъ котлетки были, конечно, тоже изъ конины, но изъ болѣе мягкихъ частей ¹⁾).

Надо было видѣть искреннее огорченіе нашихъ докторовъ, не имѣвшихъ средствъ давать больнымъ необходимую для нихъ пищу. Докторъ Филипченко особенно сокрушался, что онъ не можетъ мнѣ дать бѣлаго мяса, какъ будто онъ виноватъ въ томъ, что его не было.

Недѣли черезъ двѣ я уже чувствовалъ себя настолько хорошо, что могъ выходить на воздухъ и дѣлать маленькія прогулки.

Въ это время, т. е. въ самомъ началѣ октября, на позиціяхъ, сравнительно, было тихо, и потому госпиталь не былъ переполненъ. При мнѣ было человѣкъ 10 морскихъ офицеровъ и приблизительно столько же сухопутныхъ. Изъ тяжело раненыхъ былъ лейтенантъ Рыковъ съ ампутированной лѣвой ногой, чиновникъ Довернуа совсѣмъ безъ ногъ, да умиравшій отъ какой-то сердеч-

¹⁾ Я ихъ тогда покупалъ за приготовленныя изъ говядины, въ чемъ клялся мнѣ Панкратовъ.

ной болѣзни лейтенантъ Дворжицкій-Богдановичъ. Изъ сухопутныхъ офицеровъ челоѡка 2—3 лежало съ тяжелыми головными контузіями. Всѣ остальные больные были уже на излеченіи.

Пополняли мы наше безконечно свободное время чтеніемъ старыхъ журналовъ, шашками, и преферансомъ. Прислушиваясь къ стрѣльбѣ, старались по ея направленію и силѣ опредѣлить, что и гдѣ происходитъ. Новостей съ позицій было мало, а если онѣ и доходили до насъ, то всегда оказывались далеко не точными. Въ началѣ моихъ записокъ я говорилъ о той разницѣ въ мнѣніяхъ объ общемъ ходѣ обороны Артура, о состояніи позицій, о запасахъ и о состояніи людей въ окопахъ, которая была у людей, вышедшихъ изъ одного и того же Артура.

Вспоминая время, проведенное въ госпиталѣ, т. е. въ условіяхъ, въ которыхъ находилось большинство лицъ, проживавшихъ въ Артурѣ, мнѣ представляется ясной причина подобнаго разнообразія въ мнѣніяхъ. Дѣло въ томъ, что позиціи и форты были удалены отъ города на разстояніе четырехъ—пяти верстъ, и тѣ, кто находились въ самомъ Артурѣ (городѣ) и его блиндажахъ, слушая о томъ, что происходитъ на позиціяхъ, дѣйствительнаго положенія ихъ и состоянія людей въ окопахъ никогда себѣ вѣрно не представляли и представить не могли.

На окончившемся въ прошломъ году процессѣ о сдачѣ Портъ-Артура эта разница особенно рельефно представилась.

Быль, напримѣръ, случай, что одно лицо, послѣднее время проживавшее въ мѣстахъ далекихъ отъ позицій, на вопросъ суда, въ какомъ состояніи были люди въ моментъ капитуляціи, отвѣтило, что при выходѣ изъ Артура люди настолько хорошо выглядѣли, что онъ сравнилъ ихъ съ жеребцами. О томъ, какіе это были «жеребцы», я скажу ниже.

Тутъ же я только хочу указать, насколько впечатлѣнія, основанныя не на личномъ наблюденіи, могутъ быть діаметрально противоположны дѣйствительности. X—лицо, о которомъ я говорю, по своему положенію имѣлъ ежедневно почти официальные свѣдѣнія о всемъ происходившемъ на позиціяхъ и все же настолько не зналъ положенія дѣлъ, что считалъ, что Портъ-Артуръ могъ держаться еще два мѣсяца и что особеннаго недостатка ни въ чемъ не чувствовалось... люди же, какъ я уже сказалъ,—были, по его мнѣнію, не люди, а «жеребцы».

Что же послѣ этого могъ сказать простой смертный горожанинъ, жившій въ тѣхъ же спокойныхъ условіяхъ, но имѣвшій свѣ-

дѣнія отъ «очевидцевъ», перехваченныя то тутъ, то тамъ, да еще постоянно дополняемыя личными коментаріями.

Я помню, какъ въ госпиталѣ мы часто, собравъ подробнѣйшія свѣдѣнія отъ раненыхъ, только что вернувшихся съ позицій, умилялись передъ незыблемостью нашихъ фортовъ и безконечной физической силой нашихъ солдатъ (вопреки природѣ и здравому разсудку) остававшихся въ нашихъ глазахъ такими же крѣпкими, какъ и были, несмотря на то, что впроголодь кормились китайскими бобами.

Когда же до насъ доходило, что какой либо фортъ взять, хотя бы при условіи, что всего гарнизона оставалось три человѣка, мы считали этотъ фактъ невѣроятнымъ, невозможнымъ, и если слухъ настойчиво подтверждался, то сейчасъ же на линію требовался раненый, такъ ярко и точно расписавшій намъ вчерашнее положеніе форта.

— Какъ же это ты, — говоримъ мы ему, — третьяго дня всего увѣрялъ насъ, что фортъ японцамъ не взять, что ихъ сбрасываютъ, что и то, и се, и третье, и десятое, а япошки сегодня взяли его? — Тотъ тоже ничего не понимаетъ, и мы, въ лучшемъ случаѣ, рѣшаемъ, что наши прозѣвали. Такъ, со словъ «очевидца» и записали. Потомъ только уже узнаемъ, что за эти два дня на фортъ обѣ потерны были взорваны минами, половина блиндажей разрушена, и послѣ четвертаго натиска японцы взяли фортъ съ гарнизономъ въ три, четыре человѣка, какъ то случайно уцѣлѣвшихъ.

Но первое извѣстіе, извѣстіе о несокрушимости форта, такое пріятное, какъ-то лучше сохраняется, и какъ Оома невѣрный, мы все же сомнѣваемся, не наша ли оплошность помогла японцамъ взять фортъ.

Живя въ городѣ и не бывая на позиціяхъ, люди забываютъ, или, вѣрнѣе, не знаютъ, что тамъ событія идутъ ускореннымъ темпомъ и что вчерашнее положеніе какого либо форта можетъ быть совершенно не похоже на сегодняшнее, тѣмъ болѣе, когда врагъ идетъ подъ землей и неизвѣстно время готовности его подземной минной галлерей, а слѣдовательно неизвѣстенъ и моментъ взрыва форта ¹⁾.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, на укрѣпленіи № 3 я былъ 17-го декабря. Было извѣстно, что японцы ведутъ минную галерею подъ укрѣпленіе, все время блестяще отражавшее всѣ японскія атаки. Боцманъ Трофимовъ, находившійся уже нѣсколько дней на этомъ укрѣпленіи, на мой вопросъ — близко ли японцы, — отвѣтилъ, — сегодня еще ничего, а завтра можетъ взорвать. — И дѣйствительно, 18-го утромъ въ 9 час. укрѣпленіе было взорвано. Часть гарнизона погибла при взрывѣ, другая же часть, около 40 чел., были замурованы въ задней потернѣ. При такихъ условіяхъ японцы взяли это укрѣпленіе.

Въ госпиталѣ сосредоточивались сенсационные слухи не только по вопросамъ обороны, но и по вопросамъ внутренней жизни города.

Почти всѣ женщины, оставшіяся въ Артурѣ, сдѣлались сестрами милосердія и если не всѣ занимались ранеными, то во всякомъ случаѣ, почти всѣ жили при госпиталѣ. Съ ними же конечно были и дѣти. Естественно, что дамы артурскаго общества, въ какой бы онѣ обстановкѣ не очутились, невольно на досугѣ занимались своими знакомыми (какъ вездѣ и всегда). Шли суды и пересуды, даже мелкія сплетни, иногда, къ сожалѣнію, дававшія большіе результаты, отражавшіяся на отношеніяхъ супруговъ между собой ¹⁾. Нѣкоторые изъ высшихъ чиновъ, свободные отъ службы въ военное время, а потому въ Артурѣ скучавшіе, развлекались въ дамскомъ обществѣ, — было мило и весело, и время шло незамѣтно. Въ офицерскомъ отдѣленіи морскаго госпиталя, я сестеръ милосердія встрѣчала рѣдко, вѣроятно онѣ больше посѣщали командныя палаты. Возможно, что это было для нихъ тяжелѣе, но польза ихъ ухода за больными нижними чинами больше, чѣмъ за офицерами. Я знаю многихъ офицеровъ, которые тяготились уходомъ сестры милосердія, — часто знакомой барышни, съ которой такъ недавно еще танцевали гдѣ нибудь въ собраніи. Больной, находящійся въ полномъ сознаніи, но безпомощный вслѣдствіе своей болѣзни или ранъ, часто стѣснялся пользоваться услугами сестеръ милосердія и иногда терпѣлъ и сдерживалъ себя въ ущербъ здоровью. Чувство извѣстной условной стыдливости отбросить трудно, и потому многіе офицеры просили докторовъ дать имъ санитаря, своего же матроса, вмѣсто сестры милосердія.

Да кажется и многіе доктора понимали это желаніе больныхъ офицеровъ и избѣгали ставить ихъ и сестеръ милосердія въ обоюдное неловкое положеніе. Насколько видѣлъ я, тяжело приходилось нашимъ докторамъ какъ въ отношеніи физическомъ, такъ и нравственномъ. Усиленная работа, иногда круглые сутки, переходившая въ сверхъ человеческую въ дни штурмовъ, еще была бы не такъ утомительна, если бы госпитали располагали необходимыми медикаментами. Даже бинты обыкновенные и тѣ были на исходѣ уже

¹⁾ После осады Портъ-Артура я вынесъ твердое убѣжденіе, что долженъ быть законъ, запрещающій съ началомъ войны оставаться въ крѣпости женщинамъ. Отдаю все должное сестрамъ милосердія, и пусть онѣ необходимы, но далеко отъ арміи. Въ сферѣ же боевъ ихъ отнюдь не должно быть, должны быть только санитары.

въ концѣ сентября и замѣнялись ворсой ¹⁾); людей, спасеніе которыхъ зависѣло отъ діеты, они принуждены были кормить щами изъ солонины и кониной.

Недостатокъ въ медикаментахъ и провизіи ощущался уже въ началѣ октября, — а что же было въ ноябрѣ, декабрѣ, когда одновременно съ усиливавшимися штурмами начались и холода. Громадное количество цынготныхъ все росло и росло. Противъ цынги единственное средство отдыхъ и хорошее питаніе. Огородовъ своихъ не было, а подвозъ китайцами необходимой зелени давно прекратился, а зелень какъ извѣстно продуктъ первой необходимости при леченіи цынготныхъ.

Сколько людей было бы спасено, если бы у насъ былъ, казалось бы, такой пустякъ, какъ чеснокъ, по сильно возстаивающей организмъ цынготнаго.

Еще въ августѣ мѣсяцѣ за головку чесноку платили 50 коп. и то съ трудомъ доставали.

О мясѣ и не мечтали. Лошадей рѣзали большею частью больныхъ или убитыхъ, но иногда имѣли здоровую и молодую конину.

Помню, какъ то передъ госпиталемъ, близко къ морю, во время бомбардировки судовъ, стоявшихъ на рейдѣ передъ госпиталемъ, вели нѣсколько лошадей. Осколками недалеко разорвавшася отъ нихъ снаряда сильно поранило одну лошадь. Солдаты, проводившіе лошадей, моментально убѣжали съ этого мѣста, бросивъ раненую лошадь на произволъ судьбы. Не зная, насколько она сильно была ранена, я надѣялся ее спасти. Когда я подошелъ къ ней, она вся была въ поту и дрожала, но довольно крѣпко стояла на ногахъ и на поводѣ пошла за мной. Въ госпиталѣ сейчасъ же потребовали фельдшера; осмотрѣлъ онъ ее и напелъ, что нужно немедленно же рѣзать, т. к. она съ минуты на минуту должна издохнуть, у ней былъ большимъ осколкомъ распоротъ животъ и много мелкихъ осколковъ попало въ пахъ и шею.

Лошадь моментально была зарѣзана и уже предвкушался обильный обѣдъ изъ свѣжаго молодого мяса. Успѣли уже и шкуру снять и на части разрѣзать, но въ это время явились хозяева этой лошади (она была 13-го полка) и потребовали, чтобы туша была возвращена.

Ничего не подѣлаешь, лошадь ихъ, и поэтому пришлось ее вернуть. все же выторговавъ себѣ въ пользу госпиталя заднюю

¹⁾ Расщипленная смоленая веревка.

ногу. Я лично этой лошади не ѣлъ, какъ и вообще не ѣлъ сознательно конины во время осады, предпочитая питаться чѣмъ угодно, но только не такой убоиной. Хотя, не зная, что ѣлъ, нѣсколько разъ пробовалъ ее. Нашъ поваръ на «Баянѣ» умѣлъ иногда насъ уговорить, что гдѣ-то за баснословную цѣну онъ досталъ говядину, и, вѣря, ему, я съ апетитомъ ѣлъ какой нибудь бефъ-строгановъ изъ конины подъ пикантнымъ соусомъ.

На позиціяхъ конина, какъ роскошь, допускалась два раза въ недѣлю, а въ остальные дни питались какими-то китайскими бобами, приправленными отвратительнѣйшимъ растительнымъ масломъ, которое развѣ что только у китайцевъ употреблялось въ пищу. Что касается бобовъ, то я нѣсколько разъ видѣлъ, что лошади отказывались ихъ ѣсть.

При такихъ условіяхъ питанія, въ обстановкѣ осажденнаго Портъ-Артура, не мудрено, что среди гарнизона заболѣваемость цынгой все болѣе и болѣе увеличивалась, и параллельно увеличивался и процентъ смертности среди нихъ.

Въ день капитуляціи Портъ-Артура на позиціяхъ его, растянутыхъ на 27 верстъ, находилось всего около 9 тысячъ человѣкъ. Черезъ три дня изъ Артура вышелъ гарнизонъ въ количествѣ около 23-хъ тысячъ человѣкъ.

Такая разница объясняется тѣмъ, что около 12 тысячъ цынготныхъ въ три дня, благодаря свѣжей провизіи и зелени, доставленнымъ японцами въ госпитали, оправились настолько, что, хотя съ трудомъ, но могли идти. Кромѣ пищи игралъ большую роль тотъ подъемъ духа, который явился у больныхъ при мысли остаться въ Артурѣ тогда, какъ всѣ товарищи уйдутъ.

Изъ этихъ 12 тысячъ 3 тысячи вышедшихъ изъ Артура больныхъ были въ тотъ же день возвращены японцами обратно въ госпитали, т. е. форсированныя силы ихъ не выдержали долго и они начали падать.

Прибавьте къ этимъ больнымъ еще тысячи четыре¹⁾ людей обслуживавшихъ гарнизонъ, но не принимавшихъ непосредственнаго участія въ бояхъ на позиціяхъ, какъ то санитаровъ, конюховъ, пекарей, коковъ, матросовъ, остававшихся на судахъ, и вы получаете какъ будто громадный гарнизонъ, тогда какъ подъ ружьемъ на позиціяхъ было около 9 тысячъ, среди которыхъ тоже было не мало съ начинавшейся цынгой.

¹⁾ Одной госпитальной прислуги было свыше 1,200 чел.

Всякая рана, заживавшая въ нормальныхъ условіяхъ болѣе или менѣе быстро, трудно поддавалась леченію при цынгѣ.

Изъ госпиталей Артура, морской госпиталь пользовался репутаціей лучшаго, главнымъ образомъ, какъ обставленный болѣе богато.

Также выдѣлялись среди другихъ и морскіе санитарные отряды, дѣйствовавшіе на сухопутномъ фронтѣ.

Кромѣ госпиталя на берегу въ распоряженіи морского вѣдомства имѣлся еще транспортъ «Ангара», приспособленный подъ плавающей лазаретъ. «Ангара» представляла изъ себя чисто дамское царство, — тамъ жили больше жены офицеровъ и дѣти.

Въ «Ангару», стоявшую подъ краснымъ флагомъ, японцы не стрѣляли. По слухамъ жилось тамъ мило и пріятно. Только разъ встряхнулся Ангарскій муравейникъ, когда во время бомбардировки попалъ снарядъ въ носовую часть. Носовыя переборки выдержали напоръ хлынувшей въ носовое отдѣленіе воды, и «Ангара» погрузилась фута на три носомъ, но середина и корма оставались на плаву, и вода по судну дальше не распространилась: тѣмъ не менѣе на «Ангарѣ» поднялась суматоха, и всѣ кинулись на шлюпки и переправлялись на берегъ, въ госпиталь.

Стоя на берегу, я смотрѣлъ, какъ высаживались и спѣшили въ госпиталь напуганныя женщины и дѣти.

Въ обыкновенные дни, т. е. въ дни безъ штурмовъ, нашъ медицинскій персоналъ еще справлялся съ громаднымъ количествомъ больныхъ, но въ дни штурмовъ въ госпиталѣ творилось нѣчто невѣроятное. Раненые подносились одинъ за другимъ безконечной вереницей и за неимѣніемъ мѣста на койкахъ клались прямо на полъ. Въ палатѣ стоялъ отвратительный запахъ, напоминающій запахъ бойни, но только съ примѣсью іодоформа и карболки. Иногда болѣе часа раненому приходилось ждать своей очереди для перевязки. Ужасно тяжело было слушать ихъ болѣзненные стоны, невольно вырывавшіеся отъ тяжелыхъ страданій. Многіе раненые, смотря на своихъ сосѣдей, страдавшихъ еще больше чѣмъ они, старались затаить свой невольный стонъ и подбодряли рядомъ лежащихъ.

Разъ я видѣлъ, какъ одинъ матросъ, у котораго рука была оборвана по локоть, долго ждавшій своей очереди, когда дошла она до него, просилъ сначала перевязать его сосѣда, раненаго въ животъ и страдавшаго, по его мнѣнію, больше чѣмъ онъ.

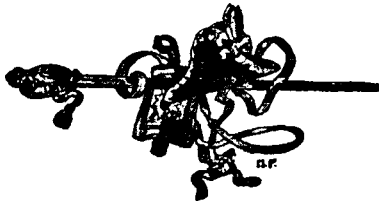
Въ морскомъ госпиталѣ лежали не только матросы, но принимался любой части какъ нижній чинъ, такъ и офицеръ, пока хоть

сколько нибудь было мѣсто. Въ дни штурмовъ, койки часто сдвигали по двѣ вмѣстѣ и на нихъ клали трехъ человекъ ¹⁾).

Ни одинъ изъ Артурскихъ госпиталей не былъ внѣ огня японскихъ снарядовъ. Несмотря на флаги Краснаго Креста, въ нихъ все же иногда попадали снаряды, и несчастныхъ раненыхъ приходилось перетаскивать изъ одного госпиталя въ другой, переполняя и безъ того до верху набитыя палаты. Егермейстеръ Балашовъ, завѣдывавшій Краснымъ Крестомъ, ѣздилъ къ японцамъ для объясненія по поводу нарушаемыхъ ими священныхъ міровыхъ законовъ. Японцы увѣряли, что они и не думаютъ стрѣлять по госпиталямъ и если попадаютъ въ нихъ снаряды, то случайные, предназначавшіеся для какого нибудь склада или казармъ. Японцы выражали подозрѣніе, что мы флагомъ Краснаго Креста прикрываемъ иногда не госпитали, а какія либо другія зданія, т. к. часто Красный Крестъ появлялся надъ домомъ, который на имѣемой у нихъ картѣ Артура, переданной нами же, не былъ помѣченъ, какъ госпиталь. Японцевъ нельзя фактически было обвинить, т. к. за недостаткомъ госпиталей, обращали въ таковыя всякіе болѣе или менѣе подходящіе дома.

Лейтенантъ Ж. Подгурскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Морской госпиталь былъ открытъ на 200 коекъ, а къ началу декабря въ томъ же госпиталѣ устроили 1,400 мѣсть.